

УДК 130.2

Швачкина Л.А.

*Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса
(г. Шахты)*

**ФОРМА СВЕТСКОЙ ГУМАННОСТИ И ПРАКТИКИ
МИЛОСЕРДИЯ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ: ПСИХОТЕРАПИЯ**

L. Shvachkina

*South Russia State University of Economics and Service
(Shakhty)*

**THE FORM OF SECULAR HUMANITY AND CHARITY PRACTICE
IN THE NEWEST TIME: PSYCHOTHERAPY**

Аннотация. В статье даётся авторское пояснение феномена гуманности как некоего «третьего пути», стоящего между религией и внерелигиозным сознанием, и обосновывается правомерность использования данного понятия. Гуманность, как благожелательность и стремление помочь другому, ни в коем случае нельзя редуцировать и приравнять к стремлению исправить существующий порядок вещей – тот идеал гуманистического мировоззрения, под лозунгом которого проходили все социальные потрясения нового и новейшего времени. Гуманность как культурная универсалия – явление более широкое и исторически, и регионально-типологически, чем гуманизм. Автор статьи отмечает наиболее характерные ключевые позиции гуманистической психотерапии как примера практического воплощения светской гуманности и практики милосердия в современной культуре «без Бога». Гуманность такого подхода определяется тем, что диалоговая самообъективация выступает моментом человеческого роста, его самовозвышения и гармонизации в отношении к самому себе и окружающему миру.

Ключевые слова: духовность, гуманистическая психотерапия, светская гуманность, практика милосердия, экзистенциальная коммуникация.

Abstract. The article explains the phenomenon of humanity as a «third way» standing between religion and non-religious consciousness and proves the legitimacy of the use of the given concept. Humanity as benevolence and willing to help others can by no means be reduced and equated to the aspiration to correct the existing order of things – that ideal of humanistic outlook under which all social upheavals of the new and newest time took place. Humanity as a cultural universal is a historically, regionally and typologically wider phenomenon than humanism. The author of the article marks the key positions of humanistic psychotherapy as example of practical embodiment of secular humanity and charity practice in modern culture «without God». Humanity of such approach is determined by the fact that dialogue self-objectivization presents itself a moment of man's growth, his self-eminence and harmonization in the relation to himself and the world.

Key words: spirituality, humanistic psychotherapy, secular humanity, charity practice, existential communications.

Длительный исторический путь развития человеческой культуры породил самые разные традиции, духовные миры и практики, однако и по времени своего существования, и по «объёму» культура в своей основе связана коренным образом с религиозным сознанием в самом широком смысле этого слова, начиная с древнейших архаических мифопредставлений и заканчивая мировыми религиями. Обращённость человека вовне своей наличной фактичности и непосредственной данности опыта, поиск «по ту сторону» истины бытия и смысла жизни именно в религиозной форме обрели наиболее универсальную форму, получившую максимальное распространение. Однако развитие цивилизации, в частности европейской культуры, привело к появлению светской гуманности как определённой формы признания значимости человеческого существования как такового, её самоценности вне за-

висимости от господствующих социальных и иных норм.

Гуманность – бескорыстное благорасположение к другому человеку и искренняя помощь ему, бытовавшая во всех религиозных культурах в форме милосердия, – претерпела в минувшем XX в. серьёзные трансформации, стала открытой проблемой, вошла в острый конфликт, с одной стороны, с религиозными традициями, с другой – с безудержным атеистическим антропоцентризмом. Гуманность, стоящая между религией и атеизмом, сделалась неким «третьим путём», который «пытается» вести человека к духовности и нравственности, руководимый кантовской идеей автономии морали от религии.

Появление и развитие внерелигиозной гуманности обязано эволюции именно христианской культуры, трансформации, в конечном счёте, самого же религиозного сознания. Кроме того, не следует вообще забывать о том фундаментальном обстоятельстве, что и сама религиозная форма лишь определённым образом выражает процесс социокультурного становления личности в истории через духовную реальность. Духовность, конечно же, в первую очередь, и исторически, и практически есть религиозность. Духовность, как не заданная природным образом реальность человека и культуры, как «трансцендирующий выход» за пределы всякой естественной конечности и ограниченности, есть именно отношение человека к абсолютному, которое в Боге дано не только налично, но и как «зеркало истины» для самого человека. Но культура и духовность – в частности – не сводится только к религиозной форме исчерпывающим образом в том смысле, что стратегия самоутверждения человека по мере своего объективирования в социальности может деформировать силу и «энергетику» религиозного мироотношения (например, в искусстве или философии). Появление светской гуманности отражает эволюцию западного мира, мышления и социальной практики в первую очередь.

Исследование феномена гуманности в культурологическом измерении было бы не-

полным без обращения к опыту вырвавшейся за пределы религиозного сознания теории и практики человеколюбия как ценности и цели секуляризованного индустриального социума. Речь в данном случае идёт именно о новейшем времени. Почему мы оперируем именно термином «гуманность», а не «гуманизм»? На наш взгляд, гуманизм выступает как некая идеологическая конструкция эпохи большого Модерна, связанная с просвещенческим мировоззрением, чувством прогрессизма, культом разума и т. д., зарождающимся в Ренессансе; гуманность же – это более широкое смысловое поле и практика отношения к человеку, которая вовсе не обязательно может идти в унисон с конструктивистским настроением гуманизма. Гуманность как культурная универсалия – явление более широкое и исторически, и регионально-типологически, чем гуманизм. Под лозунгами гуманизма прошли все крупнейшие социальные потрясения Нового времени. Гуманность же находится за пределами устремлений «переделать» человека и мир. Благожелательность и стремление помочь другому ни в коем случае нельзя редуцировать и приравнять к стремлению исправить существующий порядок вещей. И в христианстве, и в светских гуманистических практиках современной культуры (социальная работа, экзистенциальная психотерапия и т. д.) гуманность есть свободное и открытое принятие другого человека во всей масштабности его бытия. Гуманность всегда диалогична, тогда как гуманизм, скорее, моноцентричен и монологичен. Гуманность на уровне сознания и на уровне практики в большей степени, чем гуманизм, связана с опытом повседневности.

Одной из наиболее характерных для новейшего времени форм светской гуманности и практики милосердия выступает *психотерапия*. Точнее даже – определённое направление в развитии психотерапии, получившее название *экзистенциальной* или *гуманистической психотерапии*. Мировоззренческие основания и теоретико-методологические принципы психотерапевтической практики в культуре XX столетия напрямую связаны с

отрицанием не только традиционного догматического христианства, но и классической рационалистической модели самого человека и общества. Вместе с тем на сегодняшний день имеются и специфические варианты союза религиозного сознания, гуманности и психотерапии, например, целое направление православной психотерапии, включающее также психологическую работу с алкоголиками, наркоманами, нищенствующими бомжами, обращающимися в церковь. Также в США действуют многочисленные полусектантские группировки, оказывающие людям разного рода психологическую и психотерапевтическую помощь, ссылаясь на определённые квазирелигиозные мотивы.

И всё же «классический» западный вариант психотерапевтических практик и их концептуальное обоснование носят именно внерелигиозный характер. Касательно этого Ясперс пишет в своём фундаментальном труде «Общая психопатология»: «При отсутствии этой связи место религии занимает светское мировоззрение. Врач принимает на себя функции жреца. Возникает идея, так сказать, светской исповеди, общедоступных консультаций по духовным вопросам» [4].

Собственно, обесценивание традиционного смыслового пространства культуры, разрушение *коллективистски* ориентированных каналов регуляции привели к замещению метафизического и трансцендентного экзистенциальным, как выражением самоопределяемого человеческого опыта. Рождение психотерапии как автономной области исследований и практики, с одной стороны, связано с психоанализом, а с другой – с экзистенциальной философией, хотя косвенно на психотерапевтические идеи определённое влияние оказало и восточное мировоззрение (например, некоторые основополагающие идеи дзен-буддизма в понимании сущности человека и его сознания).

Мы не ставим себе цель провести детальный анализ всех содержательных аспектов психотерапии. Это предмет для самостоятельного исследования. В рамках же нашей работы постараемся отметить наиболее ха-

рактерные ключевые позиции психотерапии в культуре XX в. как пример практического воплощения светской гуманности. Психотерапия получила своё обоснование и развитие в трудах многих известных философов и психологов новейшего времени, в числе которых Л. Бинсвангер, М. Босс, М. Бубер, Дж. Бюджентал, А. Маслоу, Р. Мэй, К. Роджерс, Ф. Перлз, В. Франкл, М. Фридман, Э. Фромм, К. Хорни, И. Ялом, К. Ясперс и другие исследователи.

Для того чтобы лучше понять сущность психотерапии как практики помощи и исцеления людей в их душевной жизни, обратимся к Карлу Ясперсу, который этому вопросу уделил большое внимание, будучи врачом-психотерапевтом, разработавшим проект экзистенциальной философии.

Прежде всего необходимо отметить, что развитие гуманистической психотерапии во многом компенсировало односторонность процессов «медиализации», охвативших европейское общество в Новое и Новейшее время. *Медиализация* не только стала способом физического оздоровления населения, но, в первую очередь, формой установления определённого «дискурса власти» (Фуко) над «душой» и «телом» человека. Классическая психиатрия является ярким примером такого репрессивного подавления человека, идентификации его как «не-нормального», «лишнего» в обществе, отношение к которому также должно быть совершенно особым.

«Безмозглая феноменология понимания примешивает к этой плохо связанной идее песок её концептуальной пустыни; слабо эротизированный словарь «встречи» и пары «врач-больной» простирается к желанию общения в той же мере, насколько недомыслие бледных возможностей – к матримониальной задумчивости. Клинический опыт – это первое в западной истории открытие конкретного индивида на языке рациональности (подчёркнуто нами. – Л.А.), это грандиозное событие в отношении человека к самому себе, а языка к вещам – был быстро переведён в простое, не концептуальное столкновение взгляда и немного тела, в нечто, вроде кон-

такта, первичного по отношению к любому рассуждению, свободного от всех языковых затруднений, в котором два индивида помещались в общую, но не взаимообращаемую ситуацию» [3, 15-16]. Язык рациональности, господство позитивистских установок (человек как выражение «причинно-следственных связей») в медицинском проникновении в человеческую душу элиминирует возможность самовыражения человеческой *самости*, накладывает объективистские схемы на опыт. Критика Фуко в адрес классического медицинского дискурса вскрывает его авторитарную антигуманистическую направленность. И на этом фоне экзистенциальная психотерапия представляется не просто антитезой психиатрии. Смысл психотерапевтических практик гораздо шире, чем лечение больных людей!

«Психотерапия укоренена в медицине; но в нашу эпоху она вышла далеко за пределы медицины. Такое развитие симптоматично для эпохи секуляризации, ослабления церковной традиции. В наше время психотерапия не только служит лечению неврозов, но и помогает людям справляться с духовными и личными трудностями. По своему смыслу (не по происхождению) она связана с исповедью, очищением души (катарсисом), «душеводительством» тех времён, когда вера была ещё жива» [4].

Психотерапевтический проект подразумевает помощь в становлении самой личности, причём такую помощь, которая не операциональна и не инструментальна, а исходит из актуализации опыта самосознания и *самообъективации* человека посредством живого нелинейного диалога. Психотерапия направлена на то, чтобы «помочь больному посредством духовной коммуникации, проникнуть в последние глубины его внутренней сущности и найти там основу, исходя из которой его можно было бы вывести на путь исцеления» [4].

Конкретный путь психотерапевтической помощи и коррекции Ясперс характеризует как взаимопроникающий диалог между врачом и пациентом. Смысл его состоит вовсе не

в том, чтобы по аналогии с обычной сциентистской медициной установить некий диагноз и работать с данной аномалией. Психотерапия вообще отказывается от подобных дуалистических представлений о норме и аномалии в человеческом развитии, в жизни. Кроме того, важнейшей «особенностью экзистенциальной парадигмы в психологии является то, что она, по сути, отказалась от экспериментальных исследований как аморальных. Равноправность позиций психолога и клиента, взаимный риск и ответственность при наделении другого правом свободного выбора – в этом, безусловно, чётко проявляется новый уровень отношения к человеку, и к миру в целом» [2, 59].

Обычная медикализованный психология или фрейдистский психоанализ могут ранить человека, сообщая ему о «подводных камнях» и «пещерах» его внутреннего мира. Объективирующий дискурс психологии и психиатрии, всегда выступающий монологом врача, направлен на получение некоего знания о состоянии человека и на последующее сообщение этого знания ему. Это знание может быть достоверным, рациональным, строгим, но никакие его преимущества и познавательные ценности не смогут исцелить человека. Душевное равновесие, покой и гармония далеко не всегда сопрягаются с знаниевым отношением к самому себе и к окружающим. «Как человеческое существо, больной имеет право на знание всей правды о том, что с ним происходит. Но по-человечески понятный страх приводит к тому, что смысл всего этого знания радикально меняется, а его воздействие становится губительным и разрушительным» [4]. Внутреннее самоощущение человека и ценность интимно значимого нередко конфликтуют с рациональностью. Знаниевое отношение человека к самому себе или к другому неизбежно есть дискурсивное и, следовательно, расчленяющее первичное аутентичное единство личности, его «сердце», его *интимнейшую* тайну, нерв его *самости*. Рационализированное знание о человеке есть знание об отдельных элементах человеческого существования, об

отдельных потребностях или сторонах психики. Экзистенциальный подход в психотерапии, напротив, всеми силами пытается сохранить девственно чистой эту первичную неререфлексивность опыта. В этой связи Людвиг Бинсвангер отмечает, что любой психологический феномен следует рассматривать «в качестве выражения или проявления той или иной личности» [1, 128].

Антропологическая картина, лежащая в основе гуманистической психотерапии, выводит человеческий «этнос» далеко за границы разума, мышления. Человек – это существенно многомерное бытие, открытое и достаточно вероятностное для того, чтобы его можно было однозначно *опредмечивать*. Человек – это имманентный проект, и в этом кроется его высочайшая самоценность. Психотерапевт, конечно, узнает что-то о состоянии человека, но вовсе не обязательно сообщает ему об этом. Или сообщает дозированно. Смысл состоит не в том, чтобы скрыть от человека информацию. Ложь антигуманна! Но, в отличие от других подходов, психотерапия способна помочь человеку «подняться» к такому уровню своего существования, на котором он сам будет способен безболезненно воспринять собственную данность. Происходит объективация, но, что самое главное, внутренним образом.

«Граница психотерапии определяется принципиальной невозможностью объективации человека в целом и превращения его в объект лечения. То, что в человеке объективировано, никогда не тождественно его истинному «Я». Но то, чем человек является в действительности и чем он становится, существенным образом влияет на развитие или исчезновение его невротических симптомов. На самого человека, на его возможную экзистенцию врач может воздействовать только в рамках конкретной исторической ситуации, где больной уже не сводим к некоему «случаю», где человеческая судьба осуществляется благодаря врачу и способности психики больного к самопрояснению» [4].

В принципе психотерапевтическая практика полностью отвечает знаменитой «клят-

ве Гиппократа», которой, кстати, современная медицина очень часто изменяет.

Таким образом, метод психотерапии представляет собой экзистенциальную коммуникацию. Именно посредством диалога, со-участия и со-бытия с Другим человек оказывается способным увидеть своё «зеркальное» отражение, может соотноситься с ним и выстроить уже по отношению к нему некое творческое реанимирование. Не случайно крупнейший представитель гуманистической психотерапии Джеймс Бюджентал говорит о «жизнеизменяющей терапии». Гуманность такого подхода и определяется именно тем, что диалоговая самообъективация выступает моментом человеческого роста, его самовозвышения и гармонизации в отношении к самому себе. Такое самовыявление и творчество недостижимы чисто рациональными средствами и не поддаются категориальной обработке. Этот процесс «оплавляет» все острые углы внутреннего мира человека, его психики, снимает напряжение биполярных оппозиций и поднимает общий позитивный тонус жизнеощущения. И, может быть, самое главное – экзистенциально ориентированная психотерапевтическая практика всегда оставляет именно за человеком полную свободу и даёт ему ощущение некой «невыговоренности», маленькой тайны как пульсирующей лакуны рождения нового, как знака всегда актуальной способности человека к обновлению.

Подводя итог, отметим, что развитие гуманистических идей в культуре новейшего времени шло очень противоречивыми путями. Отказ от традиционной религиозной (в первую очередь, христианской) ценностно-смысловой регуляции человеческих отношений привёл не только к признанию в качестве высочайшей и абсолютной ценности именно человека, личности (хотя становление личностной формы культурного бытия обязано именно христианству), но в равной мере и к вырождению антропоцентризма в свою полную противоположность. Вследствие этого на уровне философии возникло санкционирование антигуманности как выражения

действительной земной «правды» (например, философские взгляды Ф. Ницше).

Итак, появление светской гуманности связано с тем, что из мировоззренческой и нравственной установки на гуманность исчезает фигура Бога. Это приводит к появлению гуманизма-антропоцентризма, несущего в себе эгоцентрические, титанические моменты. «Размахнувшись» до фигуры Бога, человек второй половины XIX-XX вв. начинает подменять подлинную благотворящую и благожелательную гуманность своеволием, идеей абсолютной свободы, вседозволенности, отсутствия критерия нравственного поведения. «Любовь к дальнему» подменяет «Любовь к ближнему». Эта опасная тенденция отмечалась многими авторами XX в., существует она и сейчас. Коллизии светской культуры особенно ярко демонстрируют путающиеся «тропы» человеческого опыта «без Бога». Иногда эти тропы закручиваются в сложные лабиринты, выбраться из которых в одиночку практически невозможно. Человеку всегда нужен Другой – будь то Бог, или, как в нашем случае, – специалист-психотерапевт. В усло-

виях десакрализованного общества, утратившего религиозное милосердие, компенсационную роль в деле практической гуманности играет рассмотренная нами психотерапия. Она обладает признаком универсальности, поскольку обращена к каждому человеку как к нуждающейся в помощи личности, без различия по национальному, конфессиональному или какому-либо иному признаку. Здесь воплощает себя христианская идея свободной воли личности и ответственности за свою судьбу, обрести которую и помогает психотерапевт. Рассмотренная нами форма современного осуществления гуманности широко практикуется в современной культуре и позитивно принимается людьми.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бинсвангер Л. Феноменология и психопатология // Логос, 1992. № 3.
2. Бондаренко А.Ф. Основы консультативної психології. Київ, 1992.
3. Фуко М. Рождение клиники. М., 1998.
4. Ясперс К. Общая психопатология // [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.practica.ru/Books/yaspers.htm>.